

С. АХМЕДОВ

**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В
ТЮРКСКОМ ЭПОСЕ «КИТАБИ ДЕДЕ ГОРГУД»**

Мақалада автор эпос мазмұнында сақталған ақпарат түркі халықтарының орта ғасырдағы әскери жағдаятын зерттеу мәселесі бойынша да маңызды дереккөз бола алатынын көрсетеді. Эпоста қорғаныс және шабуыл барысында қолданылатын түрлі қарулар жайлы, жауынгерлерді жасақтау мен қаруландырудың тұтас кешені туралы, сондай-ақ көздеп лақтыратын құралдар жөнінде мәліметтер сақталған.

Проведенное автором статьи исследование показывает, что содержащаяся в эпосе информация также является источником по изучению средневекового военного дела тюркских народов. В эпосе дается информация об оборонительных и наступательных видах оружия, комплексе индивидуального вооружения воинов, а также метательных установках.

Conducted by the author of article research shows that the information containing in the epos also is a source on studying of medieval military science of the Turkic people. In the epos the information on defensive and offensive types of weapon, a complex of individual arms of soldiers, and also throwing tools is given.

Письменный эпический памятник огузских племён эпос «Китаби Деде Коркуд» по своему художественному содержанию и языковым особенностям стоит в одном ряду с народными сказаниями, снискавшими всемирную славу. Эпос, окончательно сложившийся на территории Азербайджана, дошёл до нас в рукописях XVI века, хотя формировался он на основе преданий, сказаний, мотивов азербайджанских народных сказок задолго до проникновения ислама на Кавказ. «Китаби Деде Коркут», как и большинство былинно-сказочных эпических памятников азербайджанского народа,

написан ритмизованной прозой, в которую вкраплены стихотворные фрагменты, большей частью лирического характера.

События, отраженные в эпосе «Китаби Деде Коркут», охватывают период XI-XII веков, происходившие в основном на территории Азербайджана или пограничных землях. Здесь упоминаются средневековые азербайджанские города Дербент, Барда, Гянджа, Шарур (Шерюгюз), Шабран (Шаберан), крепость Алинджа (в Нахичевани), области Карабах, Дерешам, Карадаг, гора Гарачухур, озеро Гекче-дениз, описываются столкновения племен Дыш Огуз и Ич Огуз. Как известно, племена Дыш Огуз (внешние огузы) проживали на землях Южного (к югу от р. Аракс) и Северного (от р. Аракс до г. Дербента) Азербайджана и области Ван в Анатолии, в то время как племена Ич Огуз (внутренние огузы) жили на территории Аррана. В целом, союз Ич Огуз – Дыш Огуз охватывал земли от Дербента до Ирак-Аджама (Ирак Персидский), диваны главных героев эпоса, Баяндур хана и Газан-хана, располагались в Миль-Карабахской равнине.

Эпос подробно исследован в работах В.М.Жирмунского, Г.Араслы, М.Тахмасиба, А.Демирчизаде, А.Султанлы, Ш.Джамшидова, В.Велиева, Т.Гаджиева, К.Велиева, Е.Алибекзаде, П.Эфендиева, А.Сафарли, Х.Юсифова, Х.Кероглу, Е.Росси, О.Кекйай, М.Еркин, А. Диласар и других, однако вопросы средневековых военно-технических терминов, упоминаемых в эпосе, до сих пор не были темой отдельного исследования.

Т.Салимов в статье «О видах оружия и войсках в эпосе «Китаби Деде Коркут»» осветил некоторые моменты военной истории по эпосу, однако он рассматривал их с филологической точки зрения, без проведения исторических сравнений и параллелей [1]. В 1998 году мы в статье «Китаби Деде Коркут» и военное искусство Азербайджана» коснулись ряда вопросов военной истории по эпосу, таких, как военные чины и должности, а также крепости, однако военно-техническая терминология не являлась целью исследования [2].

В ходе данного исследования нами был использован перевод эпоса на азербайджанский язык, осуществленный в 1988 году азербайджанскими учеными Ф.Зейналовым, С.Ализаде, С.Алияровым [3]. Необходимо отметить, что в этом переводе указана та же терминология, что и в оригинале, в первую очередь по той причине, что письменный (вернее, записанный) вариант эпоса создавался на основе устных азербайджанских сказаний. Во

многим это облегчает современное понимание терминов. Часть терминов уточнялась путем сравнения с Ватиканской и Дрезденской рукописями эпоса, тексты которых с сохранением языка и формы были опубликованы в Баку в 2000 году в рамках празднования 1300-летия эпоса [4].

Центральное место в эпосе занимает идея патриотизма, которая проявляется в героическом сопротивлении внутренним и внешним врагам, в богатырских подвигах. Поэтическое красочное описание схваток, боев позволяет установить применявшиеся в эпоху военно-технические термины. Обширность военно-технической терминологии в эпосе позволяет, на наш взгляд, рассмотреть их в отдельной статье.

В эпосе «Китаби Деде Коркут» дается информация об оборонительных и наступательных видах индивидуального оружия, а также метательных установках.

Оборонительное оружие. Известно, что в период средних веков индивидуальное оборонительное оружие воина было представлено шлемом (защита головы), доспехом (защита туловища), дополнительными защитными элементами, предохраняющими наиболее уязвимые части тела – ноги, руки, плечи, живот, грудь, а также щитом. В эпосе указаны образцы оружия, относящиеся ко всем вышеуказанным типам.

Шлем в эпосе «Китаби Деде Коркут» обозначается терминами «ашук», «йышык», «тугулга»:

«Башында гунт йышыглар саглардым сенинчун» [3, с. 70]

(«На голове у тебя будет шлем») и

«Алын-башы гунт йышыгын урардым!» [3, с. 124]

(«Ударю по йышыку, защищающему лоб-голову»).

Как следует из этих фрагментов, шлем «ашук», «йышык» защищал не только голову, но и лоб (алын). Термин «йышык» как вид шлема упоминается в «Диван-и луга ат-турк» Махмуда аль-Кашгари [5, с. I, II, 85]. По мнению оружейников, тюркским термином «ашук», «йышык» обозначался шлем, составленный из нескольких сегментов, соединенных заклепками и используемый в IV-X веках тюркскими народами Евразии [6, с. 12]. На наш взгляд, обозначение шлема термином «ашук», «йышык» – «свет» объясняется тем, что отполированный шлем сверкал на солнце.

В эпосе используется выражение «Алнунда алтун ишыг джуббеси» [3, с. 124] («На лбу надет золотой йышык»), и это позволяет предположить,

что налобная пластина шлема была золотой или позолоченной. В эпосе упоминается шлем типа *«тугулга»*:

«Башындакы тугулганы не орерсен, мере кафер» [3, с. 43]

(«Чего хвастаешься своим шлемом на голове, злобный враг?»).

Можно предположить, что речь идет о такой модификации сегментного, конического шлема как куполовидный шлем *«тулга»* или *«тулка»*. Этот вид шлема был настолько популярен у тюркских народов, что позаимствованный соседними народами, он обозначался как *«торк»* или *«тарк»* [5, с. I, 64]. В этом типе шлема (невысокая тулея, невысокое коническое навершие, обтекаемая поверхность) идеально сочетались высокая надежность, невысокая цена, удобство ношения, способность к модернизации (за счет установки дополнительных элементов можно было защитить лицо, шею, горло от ударов противника), что и привело к длительному использованию данного типа. Так, исходной точкой данного типа, пожалуй, можно считать шлем синдо-меотского типа (скифского типа, VII-IV вв. до н.э.), находки которого встречаются на территории от восточных границ Центральной Азии до Ближнего Востока. Последние формы данного типа шлема относятся к концу XVIII века.

Судя по эпосу, некоторые воины носили шлемы с боевыми масками, которые обозначались персидским термином *«нигаб»*:

«Гызлар айдыр: "Валлах, султаным,

бу йигит йузи нигаблы йахшы йигитдир"» [3, с. 54]

(«Девушки сказали: Поверь, госпожа, этот джигит с закрытой маской лицом – хороший джигит»).

Также из эпоса следует, что боевая маска поднималась вверх, если надо было показать лицо:

«Гантуралы нигабыны сярпди Гапаг галдырылды» [3, с. 27]

(«Гантуралы поднял маску, пластина была поднята»).

Шлемы с боевыми масками упоминались в летописях, изображались на миниатюрах (к примеру, на миниатюрах к дастану «Варга и Гюльшах», записанному в XII веке в азербайджанском городе Хой), были обнаружены в археологических памятниках, хранятся в музейных коллекциях.

Вышеуказанные металлические шлемы использовались обеспеченными воинами, небогатые воины использовали шлемы из кожи или вяленой многослойной шерсти (ватно-войлочные шлемы), которые в эпосе обозначаются как *«кече бёрклу»* («воин со шлемом из вяленой шерсти»).

Доспех в эпосе «Китаби Деде Коркут» неоднократно упоминается как «демир дон» (букв. «железное платье»), что указывает на изготовление доспехов из железа:

«Ейни бек демир тоным сағлардым» [3, с. 70]

(«У меня есть крепкое железное платье»).

В эпосе применительно к доспеху используется выражение «*джейим гыджылдысы*» (букв. «звон одежды»), что позволяет высказать предположение о том, что доспех состоял из отдельных металлических элементов, издававших звон при движении воина. Конечно, трудно конкретно сказать, о каком типе доспеха идет речь – кольчатом (из металлических колец) или пластинчатом (из металлических пластин). Кольчуга предназначалась для защиты от рубяще-режущего оружия и сплеталась из стальных колец диаметром 5-8 мм в виде рубашки или халата (редко). В большинстве источников кольчуга упоминалась персидским термином «*зирех*», однако в эпосе нет такого термина. В эпосе указывается доспех типа «*йараг*»:

«Алмыш йарағлы адам сечдилер» [3, с. 113]

(«Отобрали шестьдесят воинов в доспехах»).

В словаре Махмуда аль-Кашгари показано, что термином «*йараг*» обозначается доспех из металлических частей [5, с. III, 85, 158]. Термин «*саи-йараг*» обозначал кольчато-пластинчатый доспех, в то время как «*кубе йараг*» – сугубо кольчатый. В эпосе упоминается доспех типа «джавшан»:

«Ким атын бинер, ким джавшан гейер» [3, с. 74]

(«Кто на коня садится, кто джавшан надевает»).

Персидским термином «*джавшан*» в VII-XII веках обозначался пластинчатый, в XII-XVII веках – пластинчато-кольчатый доспех, причем в Азербайджане и сопредельных территориях персидский термин «*джавшан*» был более употребителен, нежели аналогичный тюркский термин «*саи йараг*». О широком распространении «джавшанов» говорят арабский летописец Ибн Руста (X в.), поэты Низами Гянджеви и Муджираддин Байлакани (XII в.), военный теоретик ат-Тарсуси (XI в.) [6, с. 13; 7, с. 219; 8, с. 361-362]. Участник войн с крестоносцами, летописец Усама ибн Мункыз (XII в.) отмечал высокие боевые качества джавшана [9, с. 105]. Пластины джавшана были найдены из раскопок в Дербенте и Байлакани. Джавшан состоял из стальных пластин, нашиваемых на кожаную или многослойную матерчатую основу в районе живота, груди, боков и спины. По сравнению

с кольчатой броней джавшан был более дешевым и, соответственно, более широко распространенным. Вообще, оружиевед Д. Николь считает джавшан «классическим доспехом тюрко-персидского (имея ввиду Ближний и Средний Восток) ареала» [10, с. 31]. В эпосе указывается на то, что под металлическим доспехом надевалась защитная одежда из ткани:

«Ичин гара тонли, гёк демирли 600 кафер» [3, с. 90].

(«Надевшие черные одежды снизу, 600 врагов в доспехах из синего металла»). Действительно, под металлическим доспехом надевалась защитная одежда из ткани, предназначенная для погашения силы полученного удара, предотвращения контузии. В качестве дополнительных защитных элементов в эпосе указаны боевой пояс – куршак, нагрудник, поножи, наколенники и наручи. Так, «*курушак*» (тур., азерб., «белдик» – казах., «бел бо» – киргиз., «белбаг» – узб., «гушак» – туркмен.) [11, с. 522-523] представлял собой широкий боевой пояс из ткани, надеваемый поверх доспеха. Махмуд аль-Кашгари указывает, что «*курушак*», «*кур*» изготавливался из нескольких слоев ткани или вяленой шерсти [5, с. 86].

Нагрудник в дастане указан как «*йагалык*», причем в контексте с наручем, обозначаемым термином «*йен*»:

«Йен-йагалар дикдурейим сенинчун» [3, с. 70]

(«Изготовим наручи и нагрудник для тебя»).

В средние века нагрудник, судя по миниатюрам и музейным экземплярам, был в виде круглого металлического диска, пришиваемого к верхней одежде или надеваемого на грудь посредством ремней. Если шлемы и доспехи в больших количествах имеются в музеях, их фрагменты часто обнаруживают при археологических раскопках, то находки нагрудников довольно редки. В ходе раскопок в Дербенте были обнаружены два металлических диска, идентифицированных как пластины доспеха VIII-XIII веков [12, с. 111, таб. 5, рис.4, таб. 11, рис. 3]. Как следует из вышеприведенного фрагмента, наруч обозначен как «*йен*», хотя обычно этим термином обозначался рукав [11, с. 982-983]. Наручи обычно изготавливались из толстой кожи или металла. Наколенники и поножи указаны в эпосе в едином контексте:

«Дизчик, гаруджык баглады» [3, с. 112]

(«Привязал наколенники, поножи»).

Как видно, наколенники обозначены как «*дизчик*» (на всех тюркских языках «диз» – колено [11, с. 178-179]), поножи – как «*гаруджыг*». Поно-

жи редко встречаются в археологических памятниках. В коллекции Национального музея истории Азербайджана хранятся два комплекта (4 экземпляра) поножей (НМИА, Фонд оружия и знамен, инв. № 3082, 3083). Оба комплекта были найдены в 1991 году в селе Агбиль Зангиланского района Азербайджана.

Индивидуальное защитное вооружение воина завершал щит. В эпосе «Китаби Деде Коркут» щит обозначается как «*калкан*»: «**Калкан йапындылар**» («взялись за щиты») [3, с. 120]. В современных тюркских языках термином «*калкан*», «*галхан*» обозначаются все типы щитов [11, с. 428-429], в то время как в средние века этот термин обозначал круглый щит, изготовленный из гибких прутьев и укрепленный в центре металлическим умбоном. В эпосе есть примеры того, как воины щитом пытались отразить вражеский удар булавой:

«**Оглан калканыны гюрзе гаршы тутду**» [3, с. 108].

(«Парень поднял щит для отражения удара булавы»).

Щит был не только защитным оружием, но и использовался как «па-спорт», так как на него наносились родовые гербы, и вообще щит очень ярко украшался. В эпосе такой щит указан как «ат аладжа галкан»:

«**Ат аладжа калканыны вергил мана!**» [3, с. 46]

(«Дай мне твой разукрашенный щит!»).

Известно, что воин держал щит за ремни, прикрепленные с внутренней стороны щита, наличие таких веревок подтверждается эпосом:

«**Ала калкан багыны гыса дюкдилер**» [3, с. 71]

(«Ремень большого щита укоротили, завязав узел»).

Конь тяжеловооруженного всадника также был защищен доспехом – металлическим или из шерсти и ткани. В эпосе упоминается металлический конский доспех:

«**Гара айгыры йарагла гетирдилер**» [3, с. 56]

(«Привели черного коня в доспехах»).

Наличие таких конских доспехов подтверждается письменными и изобразительными источниками. Среди образцов индивидуального наступательного оружия средневековых воинов особое место занимала сабля, в эпосе упоминаемая как «*гылындж*», «*кылыч*»:

«**Гылынджыны не огерсен, мере кафер!**» [3, с. 43]

(«Чего ты хвастаешься своим мечом, злобный враг!»).

Как указывает исследователь А.Заки, термином *«гылындж»*, *«кылыч»* у тюркских народов обозначались сабли со слабоизогнутым клинком [13, с. 282]. Термин существовал во всех основных тюркских языках [11, с. 474-475]. Сабля – рубяще-колющее оружие с дву- или однолезвийным изогнутым клинком, позволяющим при прямом перпендикулярном ударе проводить обе его фазы (разрубание объекта и извлечение клинка из объекта). При ударе, нанесенном мечом или палашом, после удара надо было дополнительным усилием вырывать оружие из пораженного объекта. При нанесении удара саблей кривое лезвие разрубает объект, а затем, продолжая движение, выходит из пораженного объекта. Среди археологических находок в Азербайджане обломки сабель встречаются гораздо чаще, нежели обломки мечей и палашей. Отдельные фрагменты эпоса позволяют высказать предположения не только о самой сабле, но и тактических особенностях применения ее в бою. Так, в эпосе есть следующее выражение:

«Гара полад уз гылынджыны чалмайынджа гырым донмез» [3, с. 31] («Пока не применил свой острый черный стальной меч, бой не закончен»).

Классическая тактика боя огузов была присуща многим кочевым народам – обстрел противника на большом расстоянии стрелами, быстрое сближение и по возможности охват с флангов и тыла, прямая атака рассеянных рядов противника копейщиками и, наконец, рукопашный бой. Лук и стрелы, копьё считались вспомогательным оружием, судьбу боя решал рукопашный бой, или, по крайней мере, так полагалось по традиции. В эпосе клинок сабли указывается как *«йылмаг»*, рукоять – *«гебзе»*, ножны – *«гын»*:

«Гара полад уз гылынджлар чалынды, йылмагы душди» [3, с. 50] («Сшиблись черные большие мечи, клинки были разбиты»), а также

«Зульфугарын гыниле гебзеси агадж!» [3, с. 48]

(«Ножны и рукоять зульфугара из дерева!»). Термин *«гебзе»*, обозначающий рукоять, в этой форме сохранился только в азербайджанском языке, и в форме «кавза» в турецком. На других тюркских языках рукоять обозначается как «сап» (казах., туркмен., татар.), «тутга» (киргиз.), «десте» (узбек.), «хап» (башкир.) [11, с. 420-421]. Вышеуказанный фрагмент указывает, что использовались сабли типа *«зульфугар»*. Так традиционно в странах ислама называлась сабля Али, ближайшего сподвижника и полководца Пророка Мухаммеда. Считалось, что сабля *«зульфугар»* имела раздвоенный на конце клинок. В схватке использовались кинжал и боевой нож:

«Басатын ханджары варды» [3, с. 101]

(«У Басата был ханджар») или

«Оглан бычагына ел урды» [3, с. 36]

(«Парень прикоснулся рукой к своему ножу»).

Из этих фрагментов следует, что кинжал обозначался термином «ханджар», а нож – термином «бычаг». Один из фрагментов показывает, что ханджаром не только кололи, но и рубили:

«Ханджарла чалды кесди» [3, с. 101]

(«Ханджаром колол-рубил»).

Кинжал – режуще-колющее оружие с двулезвийным массивным клинком. В кинжале рабочая часть клинка образована двумя параллельными сторонами (лезвия), плавно переходящими в острие. Как холодное оружие рукопашного боя кинжал применялся в тех случаях, когда другие виды оружия оказывались недостаточно эффективными: при единоборстве, схватках в тесноте, внезапных и бесшумных нападениях. У профессиональных воинов кинжал был дополнительным оружием, у воинов ополчения он часто выступал как основной вид режуще-колющего оружия. Как показывают азербайджанские миниатюры, средневековые кинжалы имели прямой клиновидный клинок (такие кинжалы в письменных источниках упоминаются как «ханджар»), а также кривой клювовидный клинок (в письменных источниках упоминаются как «бейбут»). В ходе археологических раскопок обнаружены как прямые, так и кривые кинжалы.

Боевой нож – режуще-колющее оружие с однолезвийным клинком. Ножи по своим возможностям являются наиболее универсальным, широко распространенным во времени и пространстве оружием, составляющим в том или ином виде необходимый элемент практически всех исторических культур. Большинство ножей с равным успехом могло использоваться и в бою, и при выполнении целого ряда производственных операций. По своим основным параметрам боевые возможности ножа ограничиваются рукопашной схваткой. Вопрос о том, являются ли ножи боевым оружием, долгое время вызывал споры, однако еще в XIII-XIV веках Рашид ад-Дин ножи упоминал в списке оружия наряду с мечами и кинжалами [14, с. 348-349]. На данный момент в оружейведении среди ножей принято выделять следующие виды: боевые (применяются только в бою), универсальные (применяются и бою и в хозяйстве), хозяйственные (производственные).

Больше всего споров вызывали критерии распределения ножей по видам. Дело в том, что сила удара рукой взрослого мужчины достигает порядка несколько сот килограммов, а для уничтожения врага достаточно нанести удар колющим предметом длиной более 10 см силой в 11-12 кг [15, с. 85]. С этих позиций практически любым ножом может быть нанесено серьёзное повреждение. В конце концов, было принято решение считать ножи с клинком длиной более 20 см боевыми, а ножи с клинком длиной более 15 см – универсальными. Основным отличием боевого ножа от кинжала является однолезвийность клинка ножа. На всех основных тюркских языках нож обозначается также как в эпосе – «бычаг» (пышак, пичак) [11, с. 66-67].

В эпосе дается различная информация о копьях. Так, здесь упоминаются термины «джидда», «гёндер», «сюнгу». Принято считать, что термином «джидда» обозначалось метательное копье длиной 1,5 м. Однако в эпосе дается несколько другая информация:

«60 тутам сур джидасын голтуг гысыб» [3, с. 96]

(«Зажав в подмышке красное копье, длиной 60 ладоней»).

Если учесть, что длина 60 ладоней – это около 6 м, то получается, что герой эпоса имел классическое копье тяжеловооруженного всадника, которым шел на таранный удар, зажав его в подмышке. Такое копье имело крепкое древко, часто выкрашенное в красный цвет (как показывают миниатюры) и мощный стальной наконечник. В свою очередь наконечник состоит из пера (боевая часть) и части, надеваемой на древко. Размеры наконечника и древка определялись тактикой периода, формой пера и оборонительным вооружением врага. Плоские, листовидные и скальпелеобразные наконечники использовались против легковооруженного врага или врага без доспехов. Граненые ромбические, круглые и игловидные наконечники использовались против врага в доспехах.

Один из фрагментов показывает, что характеристики копья «джидда» различались в зависимости от социальной принадлежности воина:

«Гаргы джидда ойнаданлар варды, гелди,

Алтун джидда ойнадана, йарерб, нолду?» [3, с. 72]

(«Те, кто используют тростниковое копье – вернулись,

О созидатель, где же тот, кто использует золотое (красное) копье?»).

Из приведенного фрагмента следует, что, если зажиточные воины использовали копья с деревянными, выкрашенными в золотой или красный

цвет копья, то небогатые воины использовали копья, древки которых были из особо крепкого сорта тростника – гаргы. О копье типа «сюнгу» в эпосе дается краткая информация:

«Гаргы дилли уз сюнгуму гапдым» [3, с. 95]

«Я схватил сюнгу с тростниковым наконечником».

Термином «сюнгу» обычно обозначались легкие копья – пики легковооруженных всадников. В ряде современных тюркских языков Центральной и Средней Азии вместо термина «сюнгу» используется термин «найза» [11, с. 802-803]. В эпосе приводится информация о копьях типа «гёндер», «кондер»:

«60 тутамлыг гёндер» [3, с. 43]

«Гендер, длиной 60 ладоней» или

«..ала гендерин аванмасун» [3, с. 51]

«да не искривится твой разукрашенный гёндер».

В Османской Турции термином «гёндер» обозначались короткие металлические копья – дротики, хотя как видим, в эпосе, созданном за несколько веков до появления на исторической арене Османского государства, термин имеет несколько другое значение. Интересно, что в ряде современных тюркских языков, например, казахском (синоним «ялав сап»), киргизском (синоним «байраг сап»), туркменском (синоним «байдак сутуну») термин «гёндер» используется для обозначения древка знамени [11, с. 280-281].

Интерес представляет пожелание «да не искривится». Дело в том, что слабым местом древкового колющего оружия всегда было его длинное древко, которое в зависимости от перепада температур или удара могло искривиться, покоробиться или даже переломиться. Поэтому вышеуказанное пожелание копьеносцу вполне объяснимо. В рукопашном бою широко применяли ударное оружие. Так, в эпосе встречается упоминание ударного оружия «депер», «дапар»:

«Дели бек диледи ки, Дедейи деперле чала...» [3, с. 56]

(«Дели бек захотел ударить Деда топором»).

На наш взгляд, к странному на первый взгляд термину «депер», «дапар» этимологически наиболее близким является термин «тебер» – по-фарсидски «топор». Все топоры периода средневековья обычно делят на боевые (применявшиеся только в бою), универсальные (их конструкция позволяла применять как в бою, так и в хозяйственных делах) и хозяйственные (применяются исключительно в хозяйстве). Термином «тебер» обозначались

боевые топоры с «луноподобной» боевой частью (легкий боевой топор всадника назывался *«теберзин»* – «седельный топор»). *«Тебер»* был очень крупным и тяжелым оружием, соответственно, не каждый воин мог эффективно его применять, что возможно объясняет единственный раз упоминания этого оружия в эпосе. Более часто в эпосе упоминаются ударные виды оружия *«чомаг»*, его вариация *«чокан»* и оружие *«гюрз»*:

«Гюни гелди, габа чомаг алтында йоградым сенин учун» [3, с. 70]

(«День пришел, повоюю за тебя с большим чомагом»),

«Егри башлы чоканымджа гелмез мана!» [3, с. 43]

(«Не стоит моего чокана с закругленным концом!»),

«Оглан галканыны гюрзе гаршы тутду» [3, с. 108]

(«Парень поднял щит для отражения удара булавы»).

Один из фрагментов указывает на использование терминов *«гюрз»* и *«чомаг»* как синонимов:

«Перли гюрзуну елине алуб Газаны чалды.

Газан... чомагыны елинден алды» [3, с. 120]

(«Он взял в руки свой пернатый гюрз и ударил Газана.

Газан.. выбил чомаг из его рук»).

В словаре Махмуда аль-Кашгари есть упоминание термина *«чомаг»*. Термины *«чомаг»*, *«чокан»* обозначали большую дубину (палицу) с закругленным концом. Не случайно, что до сих пор в современном азербайджанском языке термином *«чомаг»* обозначают посох пастуха-чабана (посох с закругленным концом, позволяющим отгонять волков при нападении на стадо и, вообще, использовать для ударов). В ряде современных тюркских языков слово *«чомаг»* больше используется как синоним слова *«таяк»*, *«даяк»* (букв. *«опора»*) [11, с. 136-137].

Термином *«чокан»* обозначалась клюшка для игры в очень популярную на мусульманском Востоке одноименную игру – конное поло. Что же касается *«пернатого гюрза»*, то термин *«пер»*, *«пар»* в переводе с фарсидского обозначает *«крыло»*, *«перо»*, в то время как *«гюрз»* (от персидского *«горз»*) – булаву. Получается, что *«пернатый гюрз»* – это обозначение такого распространенного в средние века ударного оружия, как шестопер [16, с. 77]. Шестопер состоял из короткой рукояти, на боевую часть которой были насажены шесть стальных пластин – перьев (отсюда и название). Это подтверждает следующий фрагмент из эпоса:

«Алту берли гюрз иле депесине гаты урды» [3, с. 50]
 («По голове сильно ударил гюрзом с шестью перьями»).

Умение джигитовать с ударным оружием считалось особым искусством, и только физически сильные воины могли похвастать этим:

**«Йукрек атын йукурдуб Гантуралы гюрзун гёке атар,
 Енуб йере душмеден гарвар – тутар»** [3, с. 87]

(«Разогнав своего быстрого коня, Гантуралы подбрасывал вверх свой гюрз

И подхватывал его до того, как тот успевал упасть на землю»).

Другой фрагмент показывает, что ударное оружие было опасным оружием в руках тех, кто умел владеть им:

«Чала билен игиде огла гылычдан бир чомаг йек!» [3, с. 32]

(«Для того, кто умеет наносить удары, чомаг гораздо лучше, чем сабля и стрела!»).

Для боя на больших и средних расстояниях герои эпоса использовали лук и стрелы, пращу и аркан. Несколько фрагментов довольно подробно описывают материалы, из которых был изготовлен лук, обозначаемый в эпосе как «*йай*»:

«Тул толара гирдигим, туладары, дохар пайы годыгым,

Йагы йорды елумда гыл кишлим, айгыр малы,

Айгыр веруб алдугым, тозлу гаты йайым,

Буга веруб алдыгым богма гиришим» [3, с. 63] или

«Овда узун говхагова гирдигим, туладары, шахинчини говдугум,

Душман йорду гыл кишли йайым, айгыр джинсли

Айгыр вериб алдыгым, дястйи аг тозлу мохам йайым.

Буга вериб алдыгым боган киришим» [3, с. 161].

Как следует из фрагмента, в котором герой эпоса восхваляет свой лук, он приобрел лук, заплатив за него жеребца («*айгыр вериб алдыгым*»; словом «айгыр» на всех тюркских языках обозначается жеребец [11, с. 36-37]). В Азербайджане в этот период использовали как простые (из единого куска дерева), так и сложносоставные (из нескольких кусков, укрепленных костяными накладками, сухожилиями, клеем, обмоткой) луки. На рукоять лука была намотана кора агджагайын (в эпосе – «*дястейи аг тозлу йай*»). Сложносоставной лук, на изготовление которого по всем правилам уходило несколько лет, действительно стоил очень дорого. Интересно, что герои эпоса часто брали с собой два лука:

«Сагына-солуна еки гоша йай чякярди» [3, с. 85]

(«Слева и справа носил и натягивал два лука»).

Обычай идти в бой с двумя луками был не редкостью у тюркских народов [3, с. 83]. Остается добавить, что лук на всех основных современных тюркских языках обозначается термином «*йай*» [11, с. 976-977].

Вышеуказанные фрагменты показывают, что тетива («*кириш*») приобреталась отдельно и тоже недешево – заплатив за нее быка («*буга веруб алдыгым богма киришим*»). Тетива («*кириш*») не должна была коробиться и портиться от влияния погодных факторов и потому изготавливалась из кожи «худого верблюда», дикого осла, оленя, кишков или сухожилий животных, «из шемахинского шелка» [5, 172]. Интересно выражение «*душман йорду гыл кишли йайым*», буквально переводимое как «*лук, тетива из сухожилий которого заставляет устать врага*». Вероятно, имеется в виду то обстоятельство, что по огузской тактике боя противника долго и на большом расстоянии обстреливали из луков, изматывая и заставляя устать. Рукоять лука также как и рукоять меча называлась термином «*гебзе*»:

«Гябзядян йай еки пара олды» [3, с. 63]

(«Лук разломился по рукояти на две части»).

Лук часто носили, надев на плечо, что следует из следующего фрагмента: **«Йайы гарусына бырагды»** [3, с. 101].

В эпосе дается интересная информация и о стрелах, обозначаемых термином «*ок*», «*ог*»:

«Аг йялякли откун огдан гайыгмыйан...» [3, с. 88].

«Уч йялякли гайын ог атылды, демрени душди» [3, с. 50].

Как следует из этого фрагмента, стрела изготавливалась из дерева «*гайын*», к стреле привязывалось оперение из белых перьев («*аг йялякли*»), оперение состояло минимум из трех перьев («*уч йялякли*»), наконечник обозначался термином «*демрен*». Древко стрелы часто изготавливалось из тростника:

«Ол гюн гаргу диллу гаим оглар атылырды...» [3, с. 71]

(«В этот день метали тростниковые стрелы»).

Находки наконечников в Азербайджане довольно многочисленны, однако цельных древков стрел не обнаружено (найлены фрагменты, сохранившиеся у древков). Возможно, это объясняется органическим характером материала и климатическими условиями. Однако восстановить внешний вид древка позволяют многочисленные миниатюры, а также проведение

параллелей с находками на Северном Кавказе и Средней Азии. Так, древки стрел имели диаметр 0,7- 1,2 см, были круглыми в сечении. Азербайджанские миниатюры показывают, что концевая часть древков стрел окрашивалась в различные цвета. Вероятно, это было связано с тем, что стрелы имели различный характер (в зависимости от цели, для которой предназначались) и в колчан укладывались оперением вверх. Окрашивая концы стрел в тот или иной цвет воин, даже не вынимая стрелу из колчана, мог безошибочно определить, какая стрела ему нужна в данный момент. Длина стрел была различной – от 35 до 110 см. Существовали обязательные требования к любым типам стрел, связанные с соотношением их массы и размеров. Так, длина стрелы зависела от размеров лука и длины натяжения его тетивы. Толщина – от силы натяжения лука (слишком тонкая может прогнуться). Иногда, если древко стрелы было камышовым, оно обматывалось тонким слоем сухожилий, предотвращавших раскалывание. Древки стрел изготавливались из камыша, самшита, березы, тополя. Древко оканчивалось небольшим ушком – разрезом для зацепления за тетиву.

Для лучшей устойчивости в полете к древку в его концевой части приклеивалось оперение (в эпосе «Китаби Деде Коркут» обозначено «йяляк») из нескольких жестких перьев хищных птиц (орла, сокола, коршуна, филина). Интересно, что при полете стрела с оперением из перьев правого крыла вращалась вправо, с оперением левого крыла – влево. Поэтому на стреле оперение делалось из перьев только одного крыла. Бой стрелы зависел от расположения оперения: при расположении оперения ближе к ушку повышается точность боя, дальше – увеличивается начальная скорость полета.

Футляры для ношения лука и стрел в эпосе обозначены терминами «*тиркеш*» [3, с. 90] и «*садаг*» [3, с. 46]. Один из фрагментов позволяет предположить, что в колчане типа «*садаг*» носилось до 80-90 стрел:

«Садагындан 80 огын вергил мана!» [3, с. 46]

(«Дай мне из твоего саадака 80 стрел»), а также

«Садагындан тогсан огын йере дёкди...» [3, с. 92],

(«Высыпал на землю 90 стрел из саадака»).

Как следует из эпоса, садак привязывался к поясу [3, с. 43]. Термином «садак», «саадак» принято обозначать единый колчан для лука и стрел.

Для обучения стрельбе из лука использовали мишени, обозначаемые в эпосе как «*бута*», «*пута*» [3, с. 44, 55], состоявшие из собственно самой мишени («*джыгыр*») и опорного столба («*джанбаджуг*») [3, с. 63].

Аркан в эпосе указан как «оркен» [3, с. 57], «гыл сиджим» [3, с. 40]. Первый термин довольно употребителен и в современных тюркских языках в форме «аркан», «урган» [11, с. 918-919]. Второй термин буквально переводится как «*волосная петля*», что позволяет узнать, из какого материала изготавливали аркан.

Более подробная информация содержится в эпосе о праще – «сапан»:

«**ала голу сапанын елине алды**» [3, с. 43]

(«взял в руки сапан с большими «рукавами»).

Здесь под термином «гол» (рукав») имеются в виду веревки пращи. Другой фрагмент подробно описывает пращу:

«**Чобанын учйашар тана дярисиндян сапанынын айасыйды,
уч кечи туйиндян сапанын голларыды.**

Бир кечи туйиндян чатлаг-учыйды [3, с. 48]

(«Петля для камней пращи чабана была из кожи трехлетнего теленка,

Рукава пращи были из меха трех коз,

Петля пращи была из меха одного козла»).

Таким образом, повсеместно распространенное метательное оружие праща состояло из ремня или веревки с «корзиной» (в эпосе – «*айа*») посередине. Термин «*айа*» является синонимом слова «*овудж*» (азерб.), «*кефт*» (узб.), «*уч тоби*» (татар.), «*алакан*» (казах., киргиз.), «*ус тобо*» (башкир.), «*аликан*», «*овуч*» (уйгур.), означающих «ладонь, сложенная в виде ковша» [11, с. 34]. Воин надевал петлю на одном из концов пращи на большой палец правой руки, укладывал камень в «корзину», другими пальцами той же руки зажимал другой конец веревки и начинал вращать пращу. При достижении требуемой силы броска воин отпускал свободный (без петли) конец пращи, и камень летел в цель. Расстояние до цели зависело от длины пращи, скорости ее вращения и веса камня. И охотничьи, и боевые пращи изготавливались из кожи теленка или быка, волокон тута, ивы, женских или конских волос, шерстяных нитей. Камни для пращи так и назывались – «*сапан ташы*».

Таким образом, информация, содержащаяся в эпосе, позволяет реконструировать комплекс оборонительного и наступательного оружия воина. Так, основу войска составляли всадники, которые были одеты в матерчатые плотные одежды, поверх которых надевались доспехи – пластинчатые или кольчатые. На голову всадник надевал шлем, на ноги – поножи, наколенни-

ки, на руки – наручи, повязывал широкий матерчатый или кожаный боевой пояс. В левую руку воин брал щит, в правой мог держать наступательное оружие. Всадник имел по одному-двум образцам оружия дальнего, среднего и ближнего боя: лук-стрелы, аркан, копье, дротик, гюрз (булава), меч (саблю), а также кинжал или боевой нож. Конечно, в зависимости от физических и материальных возможностей комплекс всадника мог быть более разнообразным. Оружие простолюдинов, показанное в эпосе на примере оружия чабана, в тяжелую годину отправившегося на войну, состояло из простых матерчатых доспехов, пращи, чомага (палица).

В эпосе «Китаби Деде Коркут» упоминается метательная установка:

«Агыр манджылыг ташна атам, дердим...» [3, с. 102]

(«я сказал, метну камень тяжелым манджаником»).

«Манджылыгы агыр ташдан гызылдайуб гаты енан...» [3, с. 88]

(«Со свистом упал тяжелый камень манджаника...»).

Термином «манджаник» (араб., от византийского «манганон») обозначались метательные установки – катапульты.

Вероятно, в качестве военно-технического термина можно указать и термин «алам» (араб. – «знамя»), встречающийся в эпосе:

«Габа алам гётурен ханымыз – Байандыр хан!» [3, с. 102]

(«Наш хан, несущий большое знамя – Баяндур хан!»).

Таким образом, эпос «Китаби Деде Коркут» отображает, прежде всего, быт кочевых огузов, живших на территории Азербайджана в X-XI веках, и хотя это поэтическое произведение, все же бесценный источник, позволяющий изучить этнографию, историческую географию, язык, образ мышления, мировоззрение, социально-политические и нравственные взгляды. Проведенное исследование показывает, что содержащаяся в эпосе информация также является источником по изучению средневекового военного дела тюркских народов.

Литература

1. Selimov T. «Kitabi Dede Qorqud» dastanında qoshun ve silah novleri haqqında // Azerb.SSR EA-nin Melumatları. – 1978. – №9. – с. XXXIV.
2. Ahmadov S.A. «Kitabi Dede Qorqud» ve Azərbaycanın herb seneti // “Herbi bilik”. – 1998. – №1. – S. 71-80.

3. Kitabi De de Qorqud. Tercume ve tertib. F.Zeynalov, S.Alizade, S.Aliyarov. – Baki: Yazici, 1988. – 263 s.
4. Kitabi Dede Qorqud Ensiklopediyasi (iki cildde). – Baki: Yeni neshrler evi, 2000. – С. I-II.
5. El-Kashqari. Divan luqat it-turk. с. I-III. Haz. B.Atalay. – Istanbul: «Tipki basim», 1941.
6. Юнусов А.С. История военного дела в Азербайджане в XI – начале XIII в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Баку, 1986.
7. Минорский В.М. История Ширвана и Дербента в X–XI веках. – М.: «Изд-во Восточной литературы», 1963. – 263 с.
8. Юнусов А.С. Военное дело в Азербайджане в XII – начале XIII веков (по произведениям Низами Гянджеви) // Древний и средневековый Восток. – М., 1985. – Ч. 2. – С. 361-370.
9. Усама ибн Мункыз. Книга назидания. / Пер. с араб. А.М.Салье. – М.: «Изд-во Восточной литературы», 1958. – 327 с.
10. Nicolle D. Saracen Faris (1050-1250 A.D.). – London: «Osprey», 1991. – P. 64.
11. Karshilashtirilmali turk lehceleri sozlugu (kilavuz kitap). – Ankara: Bashbakanlik basimevi, 1991. – с. I, 1183 s.
12. Кудрявцев А.А. Металлообрабатывающее производство средневекового Дербента (VI – сер. XIII в.). // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. – Махачкала, 1984. – С. 91-117.
13. Zaky A.R. On islamic swords. // «Studies in islamic art and architecture». – Cairo, 1965. – P. 270-292.
14. Рашид ад-Дин Фазлуллах. Переписка. / Пер. с персидского, введение и комментарий А.И.Фалиной. – М.: «Наука», 1971.
15. Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири (эпоха средневековья). – Новосибирск, 1987.
16. Seyfullaoqlu A.S. XI esrde turklrerde herb ishi (Mahmud el-Qashqarinin luqeti esasinda) // “Herbi bilik”. – 1993. – №3. – С. 75-83.